

Пролог

Ирина Андреевна Краснова была уже немолода, но свои года признавать не желала. Семьдесят — всего лишь цифра, говорила она тем, кто ей напоминал о возрасте. Себя она ощущала даже не на сорок пять, а на семнадцать. Требовала, чтоб ее называли Ирусиком, и носила короткие юбки с яркими колготками. Еще любила огромные заколки, солнцезащитные очки и значки. А слабость питала к татуировкам. Но набивать их не решалась. Переводила на тело детские наклейки.

Ирусик воспринималась всеми как городская сумасшедшая. На нее показывали пальцем, над ней подсмеивались, а кто-то откровенно ржал в лицо и обзывал чокнутой старухой. Обычно так агрессивно на нее реагировали соседки-ровесницы. Сидя на лавке у подъезда, они клеймили проституток, наркоманов и Ирусика. Та считала, что бабки ей просто завидуют. Они старые кошелки, а она молодая, энергичная и креативная. Она ходит в ночные клубы, и там с ней постоянно знакомятся молодые парни. Они угощают Ирусика коктейлями и говорят комплименты. Среди этих ребят попадались те, кто был не прочь продол-

жить общение за стенами заведения. Пара даже на интим намекала. Но Ирусик не была идиоткой (всего лишь женщиной с чужинкой) и понимала, что не следует переходить границы. Спать с мужчинами, что годятся во внуки, противоестественно. Она родилась при Хрущеве, а они могут и не знать, кто это. Да и тело Ирусика утратило свою прелесть. Ножки в ярких колготках — прекрасны. Стройны, длинны. Но голые... На них вены взбухшие и противные веснушки, появившиеся с возрастом. Про грудь лучше и не вспоминать. Она просто стекла вниз, повинувшись закону гравитации. И как, зная свои недостатки, раздеться перед молодым?

Но ровесники Ирусика тоже не привлекали. Хотелось взрослого, но не пня замшелого. Если пенсионера, то военного. Лет пятидесяти пяти. И она пыталась найти такого. Ездил отдыхать исключительно в пансионаты и санатории от Минобороны, пока не поняла, что приличные мужики при женах, а пьющие, травмированные, морально или физически, Ирусика не привлекали. Хотела партнера по себе: энергичного, веселого, заводного, крепкого телом и духом, но с жизненным опытом и... загорелой лысиной. Глубокие морщины у глаз ее тоже привлекали. Ей думалось, что такие мужчины добродушны и смешливы. Лысые же просто чертовски привлекательны. Другим буйные седые шевелюры подавай, Ирусе же — смуглую плешь. Ее идеалом когда-то был Адриано Челентано. Но с возрастом он поистрепался. В отличие от Владимира Познера. Этот только похорошел, и, несмотря на то что он был значительно старше Ирусика, она не отказалась бы от такого мужчины...

Но Познер недосыпаем. Зато есть Павел Иванов — сосед. Он чем-то похож на известного ведущего. Лысина, прищур, суровый рот, все как у Познера. Стати не хватает, увы, зато Иванов выигрывает в другом — ему всего шестьдесят.

В дом, где Ирусик прожила треть жизни, он въехал всего год назад. До него в квартире обитала старушенция, имевшая нескольких котов. Они не были кастрированы и метили все углы. Каждый из них дожил до глубокой старости. Так что запах впитывался в ковры, занавески, обувь годами. Через дверь пахло не сильно, всего лишь пованивало, но когда она распахивалась, вся лестничная клетка наполнялась смрадом.

Когда старая кошатница умерла, а двух ее оставшихся питомцев увезли в приют, квартира пустовала полгода. По истечении этого срока в нее въехал Павел, как все решили, наследник покойной. Скорее всего, племянник. Сосед оказался очень нелюдимым. На приветствия он вежливо отвечал, как и на нейтральные вопросы, но когда Ируся заявила в гости с кексами собственного приготовления, не пустил ее на порог и от угощения отказался. Сказал, что занят, а мучное не ест. Яблоки из собственного сада (не было у нее его, купила у метро) Павел также отверг. А когда Ирусик попросила глянуть на свой сгоревший утюг, сообщил, что не разбирается в технике. При этом он был учтив, улыбчив, даже очарователен. На него было трудно обижаться, а тем более злиться. Новый хозяин квартиры вывез все пропитанные кошачьей мочой вещи на помойку, сделал косметический ремонт со сменой линолеума, обоев, покраской межкомнатных дверей

и окон, и на лестничной площадке стало приятно дышать.

Он вообще оказался идеальным соседом: никого не заливал, не слушал музыку по ночам, не сверлил с самого утра, не приводил шумных компаний. Но посетители у Павла бывали. Заинтересовавшаяся им Ирина Андреевна Краснова поглядывала в дверной глазок и баночку подставляла к стене, разделяющую их с господином Ивановым квартиры. Выяснилось, что к нему заходят люди разных полов, Павел имеет с ними беседы (о чем конкретно, Ирусик не разобрала, как ни старалась), но у себя надолго никого не оставляет. Значит, не имеет никаких отношений, ни серьезных, ни мимолетно-сексуальных. Что странно. Не старый еще, привлекательный, с виду здоровый...

Или только с виду?

Ирусик частенько думала о Павле. Мысленно примеряла его... не на себя, он мужчина, а не мини-юбка... к себе. И делала вывод, что полный импотент устроил бы ее больше, чем извращенец. Да, секса ей все еще хотелось, но жила она без него почти десять лет, и ничего, а сможет ли с ним, но противоестественным? К нему Ирусик относилась и совместный просмотр порно, переодевания, применение игрушек из спецмагазинов. Она была продвинутой и современной во многом, но только не в вопросах секса. Она родилась, выросла и сформировалась как личность в стране, где его не было!

Этим утром, выходя из дома, Ирусик, как водится, приостановилась у двери Павла. Это уже стало для нее привычкой. При кошатнице она пулей пролетала

мимо, чтобы сразу кинуться по лестнице вниз. Но когда воздух не испорчен, почему бы не помедлить. Спокойно убрать ключи в сумочку, повесить ее на плечо, поправить одежду... А заодно прислушаться, не доносятся ли из-за двери какие-то звуки. Иногда они долетали. Но крайне редко. Вот и сегодня Ирусик услышала тишину. Она уже хотела шагнуть на лестницу (жила на втором этаже и ходила пешком), как обратила внимание на то, что дверь только прикрыта, а не заперта. Она отходила от косяка всего чуть-чуть, но как этого не заметить, если сосед никогда не оставлял ее в таком виде? Даже когда выходил к мусоропроводу, замыкал на ключ.

Ирусик взялась за ручку, нажала на нее. Выждала несколько секунд на случай, если хозяин в прихожей и просто обувается. Но никто не выбежал на площадку с возмущенными криками. А Павел мог бы! Как-то у его двери, к слову — дорогой, немецкой, отирались подростки из подъезда, так он их матюгами погнал. И это человек, от которого до этого никто грубого слова не слышал.

— Эй, хозяин, — прокричала Ируся. — Ты дома?

Но ей не ответили.

— Я вхожу, — предупредила Краснова, после чего толкнула дверь.

В прихожей горел свет. Благодаря этому Ирусик смогла осмотреть обстановку: шкаф-купе, тумбу со стоящей на ней вазой, напольное зеркало, пуфик у обуви, циновку на полу. Бедненько, но чистенько.

Она думала, разуваться или нет, пока не увидела на полу пятно. Не в прихожей, а уже в коридоре, начало которого просматривалось от двери. Темное и боль-

шое. Оно застыло, приобретя форму сапога. На карте мира примерно так выглядит Италия.

Ирусик пересекла прихожую и замерла перед пятном. Ей уже было страшно. Потому что оно ей показалось кровавым...

Медленно и осторожно Ирина Андреевна повернула голову направо. Италия плавно перетекала во Францию. За ней шли Германия и Польша. А вот Белоруссия слилась с остальными странами... Огромная лужа крови, растекшаяся под телом мертвого человека, если и напоминала своими очертаниями карту Европы, то Ирусик этого не заметила. Она видела только израненный труп Павла. Его тело пронзили чем-то острым не раз и не два... Десять? Да, пожалуй. А чем именно, стало ясно секундой позже. Ирусик увидела нож. Обычный кухонный. Он валялся рядом с трупом. А еще кукла. Нежная, красивая... Залитая кровью. Будто погибавшая вместе с Ивановым.

Часть первая

Глава 1

Вася Барановский любил свою работу настолько, что готов был ее бросить, потому что не считал себя достойным ее. Он мечтал стать милиционером с детства. Его кумиром был Глеб Жеглов, и «Место встречи изменить нельзя» Вася пересматривал десятки раз. Как и «Знатоков», и «Ларец Марии Медичи». Не удивительно, что после десятого класса Барановский стал поступать в высшую школу милиции, но... Срезался на первом же экзамене по русскому, сделав больше десяти чудовищных ошибок в диктанте (описки и исправления уже никто не считал). Вася страдал от дислексии. И если читал еще более или менее, то писал безграмотно. Занятия с репетитором помогали, но не спасали от провала на диктанте. Пришлось пойти в армию, а затем поступить на коммерческое отделение юрфака. Отучившись там, Барановский стал-таки оперативным работником МВД.

С тех пор прошло шесть лет. Вася разменял четвертый десяток и дослужился до майора. То есть все только начиналось, и Барановский мог уже не карабкаться по карьерной лестнице, а взлетать по ней, но...

Он не думал о чинах и званиях. О повышенной зарплате и пенсии по выслуге. Ментом он стал, чтобы ловить преступников и наказывать их. Как Глеб Жеглов. Тот говорил, что вор должен сидеть в тюрьме, но как упрятать туда, к примеру, депутата? Или его же покарать за избиение? Напился, пустил в ход кулаки, утром протрезвел, всем дал денег, чтоб «инцидент» замаяли, и кому какое дело до справедливости?

Вася взяток не брал. Никогда и ни за что. Но не мог не реагировать на давление сверху. Бывало, что ему приказывали закрыть глаза на что-то. Приходилось подчиняться. И за это Барановский себя не уважал. Мог бы стоять до конца. Но не видел он себя Дон Кихотом, сражающимся с ветряными мельницами. Поэтому и подумывал о том, чтобы уйти из органов...

— Товарищ майор, — услышал Барановский визгливый голос стажера Светозара. Он являлся внуком генерал-полковника МВД по местному округу. Слово «геморрой» ассоциировалось у Васи именно с этим пареньком. — Вы ЭТО видели? — И указал глазами на окровавленный нож, валяющийся возле трупа.

Естественно, товарищ майор видел его. Как и раны на теле покойного. И сделал вывод, что нанесены они совсем другим колюще-режущим предметом.

На вызов они приехали пятнадцать минут назад. В полицию позвонила соседка жертвы, Ирина Андреевна Краснова, дама весьма специфического имиджа. Когда Василий увидел ее впервые, напрягся. Решил, что перед ним не совсем адекватный человек. Но Ирусик (она просила называть себя именно так) оказалась более чем нормальной. Она не просто вела себя спо-

койно, еще и на все вопросы отвечала четко, по существу.

— Вы хорошо знали соседа? — первое, что спросил у нее Вася.

— Можно сказать, совсем не знала. Он не так давно въехал и держал дистанцию.

— А ключи от своей квартиры он вам оставил, чтоб вы цветы поливали? — Вася видел, что в доме нет растений, но человек, обнаруживший труп, подозревается первым, и его надо прощупать.

— Паша никого из соседей за порог не пускал. Я же сказала вам, что он...

— Держал дистанцию? Помню. Но дружить и оказывать мелкие услуги — две разные вещи.

— Не было у меня его ключей. А у него, как теперь оказывается, цветов. Даже алоэ паршивого. Только куклы...

Да уж. Именно они населяли квартиру.

Куклы стояли в стенке, сидели на кресле, лежали на кровати, а одна... плавала в луже крови, вытекшей из тела Павла Иванова.

— Я увидела незапертую дверь и вошла, — продолжила Ирусик. — Подумала, вдруг случилось что...

— Например?

— Плохо стало человеку. Приступ случился, когда он домой возвращался с прогулки. Войти успел, а перетянуться по привычке — нет. Или наоборот: захотел покинуть квартиру, а тут бац — давление скакнуло...

— Об ограблении мыслей не было? Обычно, если соседи видят незапертую дверь, думают, что ее вскрыли.

— Да что у Паши брать?